

Что-то было не так.

Энергетическая нить в сложном магическом плетении, обычно послушно льнувшая к пальцам, вдруг потеряла прежнюю гибкость. Она сопротивлялась как живая, норовя ускользнуть, и я дернула сильнее, резче, вкладывая чуть больше силы, чем требовалось. На каплю — но этого оказалось достаточно. Кристалл в руке раскалился, обжигая ладонь, нити рассыпались, нарушая совершенный узор.

Прикусив губу изнутри, чтобы ничем не выдать досаду, я осторожно отложила испорченный кристалл в сторону и подняла голову от работы. На первый взгляд все было как обычно. Солнечный свет, непривычно яркий для начала весны, пробивался сквозь небольшое окошко, расположенное под самым потолком. Мерно тикали настенные часы. На столе, широком и удобном, если приноровиться к его громоздкой конструкции и множеству ненужных ящичков, лежало несколько заготовок для кристаллических линз и пустые оправы очков. Законченные артефакты тускло поблескивали с полок массивного шкафа, запертого на ключ. Выжженное на дверце клеймо отдела магического контроля предупреждало, что готовые изделия являются собственностью исследовательского центра и я, как и любые другие заключенные, не имею права к ним прикасаться.

Бьерри, мой надзиратель и охранник, дремал на стуле в углу комнаты. Он работал со мной без малого три года — долгий срок, за который мы успели привыкнуть и притереться друг к другу. Прошло время, прежде чем Бьерри перестал нервно озираться и вздрагивать от каждого моего движения, и теперь старый законник позволял себе ненадолго вздремнуть, добирая часы сна, которых ему стало решительно не хватать с рождением внучки.

Я слабо улыбнулась. Маленькая Ливви, которую я знала по рассказам гордого дедушки, мне нравилась, и я честно желала ей самой лучшей судьбы без ментальной магии и тюремных решеток. Жизни с правом на ошибку.

У меня этого права не было. Странная тревожность, пришедшая вместе с неожиданной неподатливостью магии, никак не хотела уходить. Замерев, я прислушалась к тишине за дверью комнаты.

Скрипнула, а потом хлопнула дверь. Негромко — значит, звук донесся из дальнего конца коридора, ведущего в рабочую зону. Караульный, совершавший ежечасный обход исследовательского центра крепости Бьянкини, прошел совсем недавно и вернуться еще не мог. По всему выходило, что кто-то из городских законников решил заглянуть, чтобы сделать новый заказ.

Вот только эти визиты были мне привычны и никогда не вызывали такой нервозности. Что-то было не так. Я сплела пальцы в замок, сдерживая дрожь.

Перестук каблуков и негромкие голоса подсказали, что вошедших было двое. Я узнала семенящую походку коменданта крепости, отчего-то показавшуюся более суетливой, чем обычно. Второй человек шагал размеренно и ровно, и его твердые шаги отдавались в коридоре гулким эхом.

Смутное чувство неправильности усиливалось по мере того, как комендант и его спутник подходили ближе. Шаги замерли напротив моей рабочей комнаты. Провернулся с тихим скрежетом ключ в замке.

Бьерри вскинулся, вытягиваясь по струнке:

— Господин комендант!

Я поспешно опустила глаза — комендант крепости был суверен, и моя спина еще помнила жгучие последствия глубоко засевавшего предубеждения, что менталист может проклясть даже взглядом.

— Вольно, — небрежно кивнул комендант, и я услышала, как Бьерри тихо выдохнул с облегчением: оплошность в присутствии проверяющего, пусть и столь малая, могла бы стоить ему должности.

Комендант повернулся к спутнику, мелко семеня, обошел его кругом и замялся, переступая с ноги на ногу, словно никак не мог подобрать верные слова, чтобы начать разговор. Я украдкой наблюдала за ними из-под опущенных ресниц, но смогла увидеть лишь застегнутый на все пуговицы форменный китель коменданта, опасно натянувшийся на выдающемся брюшке, брюки его собеседника с безупречно отглаженными стрелками

и начищенные до блеска сапоги. Визитер, высокий и худой, особенно в сравнении с низкорослым комендантом, стоял неподвижно, будто темное каменное изваяние.

— Господин главный дознаватель, — ележно заговорил комендант, — позвольте показать вам одну из рабочих комнат нашего уникального исследовательского центра. Как вам, должно быть, известно, мы занимаемся изучением ментальной магии во всех ее мельчайших аспектах, чтобы оценить возможности ее применения для нужд Короны. Это совершенно новая, малоизученная область, которую часто считают исключительно средством для совершения преступлений, но на ее основе мы в исследовательском центре Бьянкини разрабатываем особые артефакты, которые могут быть применены на практике отделами магического контроля по всей Иллирии. — Он с трудом перевел дух и, взмахнув рукой в мою сторону, словно заправский торговец, показывающий свой товар, объявил с почти отеческой гордостью: — Перед вами наше лучшее, ярчайшее достижение — заключенная номер семь, осужденная в юном возрасте как раз за использование ментальной магии. Казалось бы, девушку ждала прямая дорога на костер, но мы здесь придерживаемся иного мнения. Зачем уничтожать тех, кто всей душой желает исправиться и заслужить возможность приносить пользу Короне? И она, наша заключенная номер семь, как раз из таких. На ее перевоспитание, обучение и подготовку были затрачены немалые деньги, но, поверьте, окупилась она сполна — это практически живой определитель ментальной магии. Разумеется, мы не используем ее способности напрямую... во избежание, так сказать, но созданные ею артефакты позволяют увидеть даже самый слабый след остаточной магии на преступнике. И это, скажу я вам, потрясающе. Только за последний год благодаря артефактам, созданным в нашем центре, было раскрыто не менее трех громких дел, где преступник владел ментальной магией.

Комендант сделал театральную паузу, но визитер оказался неблагодарным слушателем — ни восхищения, ни восторженных вопросов не последовало.

— В шкафу есть отличнейшие образцы наших изделий, если желаете ознакомиться, — уже не так воодушевленно предложил комендант. — Разумеется, если вас интересует индивидуальная разработка, мы можем обсудить это в моем кабинете. Заключенной ваши распоряжения передадут.

— Не стоит, — коротко ответил тот, кого назвали главным дознавателем. Мне показалось, что говорил он с едва заметным

южным акцентом. — Не думаю, что в таких условиях можно изготовить достойнейшие образцы.

— Уверяю вас, господин главный дознаватель, условия, в которых содержится заключенная, позволяют поддерживать ее работоспособность на самом высоком уровне. При максимальной загруженности срочными заказами она может создавать до пяти определителей в сутки, и уходит на это всего пятнадцать — восемнадцать часов.

В воздухе послышалось отчетливое энергетическое потрескивание. Бьерри охнул с тихим присвистом. Почти над самой моей головой пронесся сгусток магии и врезался в центр потолка, осыпав комнату дождем темных искр. На рабочий стол с негромким шлепком приземлился мертвый паук в облаке джигающей паутины.

— А это, надо полагать, элемент декора, — раздался насмешливый голос. — Уникальнейший.

— Господин главный дознаватель... — замешкался комендант. — Бьерри! Почему в рабочей зоне беспорядок?

— Так это, господин комендант, сами говорите — экономия. — Надзиратель развел руками. — Последняя уборщица уволилась два месяца назад. Говорит, даже в сиротском приюте лучше платят.

— Бьерри, — прошипел комендант, — нет нужды беспокоить господина главного дознавателя такими мелочами, как условия работы нашего младшего персонала.

— Действительно, — отозвался визитер. — Господин комендант, прямо сейчас меня гораздо больше интересуют бумаги, описывающие испытания ваших изделий на практике. Будьте добры.

В комнате воцарилось напряженное молчание. Я увидела, как дернулся Бьерри, но, похоже, главный дознаватель остановил его, потому что к дверям с обреченным вздохом направился сам комендант.

— Не извольте беспокоиться, милорд, бумаги будут представлены в лучшем виде, — торопливо произнес он, и пару мгновений спустя в коридоре послышались удаляющиеся шаги.

Мы остались троим.

* * *

Главный дознаватель шагнул ко мне, Бьерри поспешил следом. Я упрямо смотрела перед собой — на испорченный артефакт, на мертвого паука и обгорелую паутину. Руки с длинны-

ми пальцами, унизированными кольцами-накопителями, легли на столешницу, вторгаясь в поле моего зрения.

Звякнули наручники — вероятно, Бьерри собирался сковать меня, чтобы не нарушать правил.

— Ян... Не считаю это необходимым, — глухо произнес главный дознаватель.

Должно быть, мне показалось. Легкая запинка, которую допустил законник, не могла быть правдой. Не должна была существовать. Здесь, в этом мире каменных стен и железных решеток, я была безымянной заключенной номер семь, давно утратив право называться прежним именем.

Янитта.

Когда-то меня звали именно так. Но едва ли он, этот странный визитер с насмешливым голосом, полным внутреннего превосходства, и дорогими кольцами-артефактами на пальцах, мог знать об этом. Едва ли мое имя могло иметь для него значение. Если только...

Если только когда-то давно, в полузабытом прошлом, мы не были людьми одного круга. Отчего-то же комендант назвал его милордом, словно подчеркнув статус, который мог разделять их. И, если подумать, что-то в нем, в его магии, действительно показалось мне знакомым и незнакомым одновременно.

Я потянулась разумом, чтобы ощутить исходившую от него энергию, прикоснуться к ней, разложить на тонкие черные нити. Почувствовать неукротимую, едва поддающуюся контролю мощь — разрушительную, нестабильную и совершенно иную, чем та, послушная и покорная, что текла в моей крови.

Нет, его магия была какой угодно, только не послушной, податливой и холодной энергией артефакторов Веньятты. Темная, опасная, неудержимая, сила главного дознавателя рвалась наружу, бурлила под тонким слоем обманчивой сдержанности. У меня не осталось ни тени сомнения — он не был уроженцем наших земель.

Энергия, слишком сильная и чистая, выдавала в нем представителя правящей семьи далекого южного Ниаретта. И я осознала с пугающей ясностью: главный дознаватель был одним из сыновей старого лорда Эркьяни. Чужаком.

Почти невольно я подняла глаза и замерла под его цепким, напряженным взглядом. Он смотрел на меня так, словно бы чего-то ждал, чего-то искал на моем лице. Может быть, следы непоправимой испорченности, может быть, признание вины.

Теперь я могла с уверенностью сказать, что он родом из Ниаретта. Высокий, худой и смуглый, с породистым лицом, темными, зачесанными назад волосами и аккуратной бородкой, обрамляющей тонкие губы, законник скорее напоминал моряка, жилистого и опасного, нежели холеных и вальяжных лордов севера. Он весь был словно натянутая струна, словно змея, изготовившаяся для броска. Или паук, терпеливо замерший в центре паутины в ожидании случайной жертвы.

Да, Паук. Новый главный дознаватель Веньятты — длинный, гибкий, затянутый в черное от носков сапог до воротничка-стойки форменного костюма — действительно походил на паука, и я спряталась за этим безопасным прозвищем. Не лорд Эркьяни — Паук.

Быстрым, почти неуловимым движением он взял испорченный кристалл со стола. Рука его проскользнула в каких-то жалких миллиметрах от моей обнаженной ладони, едва не задев, едва не коснувшись. Я замерла, не в силах заставить себя вновь опустить глаза.

— Кристаллическая решетка нарушена. — В желтовато-карих глазах главного дознавателя блеснули черные искорки магии — он прощупывал кристалл. — Третий, восьмой, девятый энергетические узлы повреждены. Небрежная работа.

Сейчас его голос лишился тех едва различимых насмешливых ноток, что слышались в ответах на восторженную речь коменданта. Напротив, Паук, как я мысленно назвала его, был совершенно серьезен, мрачен и словно бы даже зол. Отбросив кристалл, он вновь впился в меня взглядом — так, будто именно я была величайшим разочарованием его визита в Бьянкини.

Я подавила в себе желание крепче переплести пальцы — лишние движения в присутствии законников никогда не довели ни одного осужденного менталиста ни до чего хорошего.

— Готовые артефакты лежат в шкафу, господин главный дознаватель, — торопливо произнес Бьерри. — Хорошие кристаллы на самый взыскательный вкус. Скоро вернется господин комендант и все покажет, но если вам необходимо сейчас, то и я могу...

— Меня это не интересует. — Главный дознаватель резко обернулся к непрошеному помощнику. — Выйдите.

— Я... Я не имею права, господин главный дознаватель, — занялся надзиратель. — Не положено. Это может быть опасно.

— Поверьте, я справлюсь.

Показалось или в его голосе действительно проскользнуло торжествующее предвкушение? Внутри шевельнулся страх. Если Бьерри сейчас уйдет, кто знает, чего захочет этот странный визитер.

— Разумеется, справитесь, господин главный дознаватель. Но не положено. Это мои обязанности — следить, чтобы все в рабочей комнате было в порядке вещей. Если вас не интересуют готовые изделия и вы хотите заказать особый артефакт — пожалуйста. Только не стойте так близко к заключенной и позвольте ей надеть защитные перчатки, как того требует протокол.

Молодой дознаватель и старый законник замерли друг напротив друга. Я видела насупленные брови и сжатые в тонкую упрямую линию губы Бьерри. Надзиратель не отвернулся, продолжая смотреть перед собой почти с вызовом.

— Хорошо, — наконец коротко бросил Паук.

Взяв стул, на котором раньше сидел Бьерри, он переставил его ближе и сел напротив. Казалось бы, все соответствовало протоколу: нас разделял тяжелый и широкий стол, преодолеть который было не так просто, — но главный дознаватель смотрел на меня так, словно бы между нами не было никакой преграды. Я замерла, ожидая, что будет дальше.

— Перчатки.

Я подчинилась, торопливо натянув длинные, до локтей, плотные перчатки, отложенные на время работы в сторону. Главный дознаватель хмуро наблюдал за мной. Закончив, я выпрямилась и сложила руки перед собой, демонстрируя покорность и смирение. Образцовая заключенная.

— Что случилось со Стефано Пацци? — хрипло спросил законник.

Я вздрогнула. Уголок узких губ Паука дернулся, искажая его рот в злой гримасе.

— Он перевелся, господин главный дознаватель, — тут же ответил Бьерри. — Говорят, уехал на малую родину.

— Я спрашивал не вас, — не отрывая от меня взгляда, отрезал Паук. — Заключенная, что случилось со Стефано Пацци?

— Он перевелся, — тихо повторила я слова Бьерри.

— Почему?

Я пожала плечами. Паук всем телом подался вперед, и я с трудом подавила желание отшатнуться, вжаться в жесткую спинку стула, чтобы оказаться как можно дальше от этого человека, столь грубо и бесцеремонно вторгшегося в мое личное пространство — и физически, и морально.

— Не уходите от ответа, заключенная, — сказал главный дознаватель негромко и ровно, но с непонятым нажимом, четко выделяя каждое слово. — Правда ли, что Стефано Пацци, законник, работавший с вами на протяжении года, был вынужден перевестись, потому что не справился со своими чувствами? Потому что обманчивые надежды, которые вы постоянно вселили в его голову, в конце концов разрушили его жизнь?

— Господин главный дознаватель! — Бьерри, не выдержав, подошел ближе. — Того, о чем вы говорите, просто не может быть. Если бы заключенная применила ментальные способности на одного из законников, ей грозило бы строгое наказание, вплоть до казни. Поверьте, господин комендант не терпит вольностей в стенах Бьянкини.

Я ощутила прилив благодарности к старому законнику. Он проявил недюжинное мужество, упрямо настаивая на своем, не испугавшись потаенной злобы, крившейся в голосе, позе и глазах человека, превосходившего его и по должности и по статусу.

Паук вскинул ладонь, обрывая надзирателя.

— Терпит, не терпит — это мы еще увидим. Сейчас речь не об этом. Скажите, заключенная, способны ли вы изготовить особый артефакт, который может защитить от того, что искалечило Стефано Пацци? От этих призывных взглядов, многообещающих улыбок, милых гримасок, которыми вы вызываете желание дотронуться, прикоснуться, провести пальцами по коже, чтобы понять, правда ли вы нечто особенное, нечто исключительное, но при этом реальное и достигаемое? Нужно только руку протянуть, и... — Он скривился. — Мне требуется артефакт, подавляющий все эти лишние чувства, которые способны вызывать вы.

«Вы». Он не сказал «менталисты», не сказал «такие, как вы», он сказал «вы», выплюнув это короткое слово с такой ненавистью, словно бы именно во мне главный дознаватель Веньятты видел основную угрозу — своему положению в отделе или, быть может, свободе от навязанной симпатии. Он вел себя так, будто бы я, зная его едва ли несколько десятков минут, уже замышляла что-то против него, продумывая в голове коварный план, как поставить его на колени.

На мгновение я увидела это очень ясно. Его, коленопреклоненного передо мной, покоренного. В потемневших желто-карих глазах полыхнуло голодное пламя, и мое тело словно окатило волной жара. Темная энергия, как жадная мужская рука, скользнула по моим лодыжкам вверх, покалывая кожу, зарож-

дая внутри какое-то неправильное, совершенно неуместное предвкушение.

Я нервно облизнула пересохшие губы. В голове искорками затухали отголоски чужих мыслей, побуждая торопливо искать в памяти схему блокирующего плетения.

— Да, господин главный дознаватель, я могу изготовить подобный артефакт. В течение двух дней, если позволите.

Главный дознаватель резко отвернулся, словно бы разом потерял ко мне интерес.

— Так приступайте.

И прежде, чем я успела ответить, Паук поднялся со стула и быстрым шагом покинул комнату. С гулким эхом хлопнула дверь, ведущая прочь из рабочей зоны крепости.

Мы с Бьерри обменялись озадаченными взглядами. Я укордкой выдохнула — сердце в груди отчаянно билось о ребра. Старый законник отодвинул стул на привычное место у стены и устало опустился на сиденье, утирая рукавом выступившие на лбу капли пота. Визит главного дознавателя вымотал нас обоих.

— Ох, дочка, — пробормотал Бьерри, качая головой в такт каким-то своим мыслям.

Дальняя дверь снова скрипнула, пропуская в коридор нового посетителя, и по быстрым семенящим шагам я с облегчением поняла, что это не Паук. В следующее мгновение на пороге возник комендант. Он тяжело дышал, форменный китель топорщился на животе, рубашка выбилась из брюк. К груди он прижимал три объемные папки с наспех собранными бумагами. Некоторые листы были смяты, другие едва держались в стопке.

Нахмурившись, законник обвел взглядом комнату и замер, глядя на меня так, будто за время его отсутствия я с помощью ментальной магии смогла заставить главного дознавателя расствориться в воздухе.

— Где? — только и смог выдавить комендант севшим от быстрого бега голосом.

Бьерри усмехнулся в усы.

— Господин главный дознаватель ушел пять минут назад. Вы, верно, разминулись.

— Ушел, — раздраженно пробормотал комендант, перехватив поудобнее тяжелые папки и не переставая прожигать меня гневным взглядом.

Несколько листов все же выскользнули и разлетелись по комнате, и законник, бормоча под нос ругательства, кинулся их

собирать. Чертеж определителя, подписанный «заключенная номер семь Я. А., куратор проекта С. Пацци», приземлился рядом с носком моего башмака. Я хотела было потянуться за ним, но вовремя одернула себя, не желая нервировать коменданта, и без того пребывавшего в дурном расположении духа из-за неожиданного визитера.

Рассовав непослушные листы обратно по папкам, законник подошел к шкафу и, придирчиво осмотрев полки, выбрал несколько кристаллов, вероятно наиболее удачно сделанных на его вкус. Стараясь вновь не растерять с таким трудом сложенные бумаги, он достал артефакты и положил в карман. Не иначе как собрался задобрить новое начальство «подарками». Впрочем, я отчего-то сомневалась, что зловещий Паук хорошо относится к взяточничеству.

Комендант повернулся к Бьерри:

— А куда ушел, не сказал?

Надзиратель покачал седой головой:

— Никак нет, господин начальник.

Комендант обреченно кивнул и мужественно ринулся на поиски ускользнувшего главного дознавателя. Видимо, мысль о том, что такой опасный для занимаемой им должности гость бродит по крепости Бьянкини без присмотра, вызывала у него небезосновательные опасения.

Мы с Бьерри вновь остались вдвоем.

Изучив лежащего на столе мертвого паука, я аккуратно смахнула его в выдвинутый ящик. От темного тельца все еще исходил слабый магический след — след энергии главного дознавателя. Его можно было использовать для создания личного артефакта, настроенного исключительно на Паука.

Увлеченная мысленным выстраиванием будущего плетения, я не заметила, как Бьерри подошел ко мне.

— Ты поняла, чего он хочет, дочка? — тихо спросил он. — Запросить новую заготовку?

Я задумалась, постукивая пальцами по стенке выдвинутого ящика. Мертвый паук черной каплей скрючился на светлом дереве.

— Да, — наконец сказала я. — Мне понадобится янтарь.

* * *

Камень, ярко-желтый с редкими темными прожилками, словно кусочек солнца, все еще хранил тепло моих рук. Прикрыв глаза, я крутила его в пальцах, наполняя своей энергией,

выстраивая потоки и добавляя в плетение тонкие черные нити магии главного дознавателя Веньятты лорда Эркьяни. Мертвый паук лежал, зажатый между столешницей и камнем. Лишний раз прикоснуться к безжизненному мохнатуому тельцу не хотелось.

Паук и янтарь. Мерзкое, темное, неживое рядом с чистым и светлым. Мне казалось, будто я извращаю саму суть камня, надевая нечто, полное животельной энергии, свойствами отворачивать и отталкивать.

Но, как ни странно, небольшая застывшая капля древесной смолы охотно откликалась на мои манипуляции, позволяя заполнять артефакт нужными мыслями. Я вспоминала Паука, его цепкий взгляд, резкие движения, едкие насмешки, темные, едва прикрытые порочные желания, и волна брезгливого отворачивания сама собой поднималась в душе, оплетая камень ядовитой паутиной. Главный дознаватель хотел презирать и ненавидеть меня, чтобы не впускать в душу ни капли понимания и сочувствия, — что ж, я была в состоянии вызвать у него нужные чувства.

Поглощенная работой, я едва слышала сдавленное оханье Бьерри. Подвязав последние нити плетения, я моргнула, возвращаясь в реальный мир, и только сейчас заметила, что паук, из которого я черпала энергию, втянулся в прозрачную янтарную каплю. Выходит, я позволила своей ярости разгореться так ярко, что расплавила камень, и смола поглотила черное тельце, надежно запечатав его внутри.

Так даже лучше. Паук для Паука. Пусть главный дознаватель морщится, кривится и требует переделать, но только не сегодня.

Я устало откинулась на спинку стула. В теле чувствовалась слабость и опустошение — слишком много энергии потребовал от меня артефакт. Без лишних слов Бьерри откупорил и подал мне горькую укрепляющую настойку. Покосился на паука, застывшего в янтаре.

— Да, думаю, намучаемся мы с новым господином главным дознавателем, — покачал он головой, не отрывая взгляда от артефакта.

Старый законник не прочь был поговорить — наверное, весь Бьянкини сейчас гудел от слухов о новом главе Королевского магического контроля Веньятты. Я кивнула, массируя виски: ноющая головная боль не давала покоя.

— Поговаривают, дочка, — подошел ко мне Бьерри, — что господин главный дознаватель — вовсе не господин, как можно было бы подумать, а самый настоящий лорд, да еще и из таких знатных фамилий, что не то что в отделе работать не станет, а при встрече с законником и кивнуть не удосужится. Только вот не из местных он. Южанин. Приезжий. Знаем мы их, все они там, в Ниаретте, дикие Арьяне.

— Эркьяни, — машинально поправила я.

— Да хоть так, — отмахнулся Бьерри. — Все равно чужой он, не наш. В Веньятту перевелся несколько месяцев назад, но уже, говорят, в городе шороху навел. А до того служил помощником главного дознавателя в Фиоренне. Помнишь, может, как в прошлом году в центр четверо работать устроились? Так вот это все он, наш главный, постарался. Народ тогда оттуда бежал, как крысы с корабля, — уж больно нрав у помощника оказался крут. Вот, выслужился, му... — Бьерри привычно проглотил окончание подцепленного на войне ругательства.

Старый законник сердито фыркнул в усы: видимо, грядущие изменения волновали его сильнее, чем торговца повышение пошлин на ввоз иренийского шелка. Кивком указав на перчатки, он предложил закончить на сегодня и сопроводить меня в крепость — подальше от главного дознавателя, проявившего вчера ко мне столь пристальное внимание. Не желая навлекать на ответственного за меня и мою работу Бьерри гнев коменданта, я улучила момент, когда старый законник отвернулся, и аккуратно убрала испорченный артефакт в карман, чтобы ночью незаметно разорвать плетения. Завтра я собиралась попытаться изготовить что-то соответствующе-приличное.

Коридор с высокими стрельчатыми сводами и массивными дверями рабочих комнат, где трудились заключенные, заканчивался узкой винтовой лестницей. Верхние пролеты, обычно закрытые для узников, вели к башне, где находились просторные и удобные кабинеты высшего руководства исследовательского центра. На среднем уровне располагались рабочие зоны и комнаты для испытаний, а ниже, где башня из светлого камня вращалась в холм острова, был проход к камерам. Знакомый путь, за восемь лет изученный до последней выбоины в каменных ступенях.

Мы вышли на крытую галерею, соединявшую исследовательский центр Бьянкини со зданием городской тюрьмы. Здесь, посреди двух островов, особенно остро чувствовался контраст между выстроенным несколько десятков лет назад зданием,

возвышавшимся над каменистым берегом и сверкавшим желтыми отсветами факелов из каждого вытянутого окошка, и старой тюремной крепостью, мрачной, черной, почти вросшей в скалу, слившейся с ней. Вдалеке тысячами огней светился берег Веньятты, и крохотные искорки, более яркие, чем звезды, перемигивались, плясали у самого горизонта, словно бы там царил вечный карнавал, недосыгаемая беззаботная жизнь, не затихающая даже ночью.

Узкий мост с арочными сводами и частыми тонкими колоннами соединял нижний этаж центра со сторожевой башней тюрьмы, а внизу бушевало беспокойное северное море. От шумных свинцовых волн, разбивавшихся о подножие скал, мост едва ощутимо подрагивал, и в этой легкой вибрации чувствовалась скрытая мощь стихии, не укрощенной человеком и магией.

Я вздрогнула, отчего-то вспомнив Паука и темную энергию артефакторов Ниаретта.

— Пойдем, дочка, — поторопил меня Бьерри, с некоторой опаской косясь на волны и острые кромки камней, вздымающихся над ними.

Башня встретила нас темнотой и сыростью. Хмурый, немногословный охранник сухо кивнул Бьерри, меня же удостоил лишь неприязненным взглядом. Я привычно отсчитывала обороты лестницы: один, два, три... Чем глубже в недра скалы уходили ступени, тем более тяжким было преступление и более беспросветным существование узников. Камеры на верхних уровнях, с крохотными узкими окошками, через которые беспрестанно доносился грозный рокот моря, а в хорошую погоду изредка пробивался одинокий солнечный луч, предназначались для полезных заключенных. А в темные колодцы, спрятанные глубоко под землей, бросали тех, в ком отдел магического контроля не видел никакого потенциала, и там они ждали публичной казни.

Коридор, ведущий к моей камере, пустовал. Сюда уже несколько месяцев не распределяли новых заключенных, а старых — немолодого зельевара из Ирени, попавшего в застенки за работу без лицензии, и двух братьев-артефакторов, ограбивших не тот дом, — я практически никогда не видела из-за их загруженности заданиями отдела магического контроля. Ни с кем из менталистов я ни разу не сталкивалась, хотя доподлинно знала: таковые помимо меня в центре были.

— Я так думаю, — Бьерри взял из настенного крепления чадящий факел, — нужно тебе быть потише и на глаза начальству

попадаться пореже. Сама посуды, дочка, что он мог здесь забыть? Скорее всего, конечно, ищет громкое дело в надежде выслужиться и перебраться в столицу. Но, с другой стороны, ты у нас девушка красивая, видная. Мало ли что этому, — Бьерри кашлянул, — взбредет.

Надзиратель отпер замок и посторонился, пропуская меня внутрь.

— Если слухи не врут и господин главный дознаватель из благородных, — словно убеждая самого себя, сказал он, — то в наших краях он не задержится. Благородных в коридорах магического контроля отродясь не водилось.

Я неопределенно хмыкнула. В чем-то Бьерри был прав: все мы, осужденные мертвецы, в глазах Короны были равны — бесправные, безмолвные, лишённые титулов и даже имен, всего лишь крошечные шестеренки в неумолимой машине правосудия.

* * *

В эту ночь, несмотря на усталость, я долго не могла уснуть. Беспokoйно ворочалась на узкой кровати, никак не находя правильного положения, и все: неровность тонкого матраса, стылая затхлость грубого постельного белья, лунный свет, проникавший через зарешеченное оконце под потолком, шорохи мелких грызунов, сновавших меж пустых коридоров, бормотание охранников в камерке у лестницы — абсолютно все мешало, не давая забыться.

Я чувствовала себя зверем в клетке — в тесной, неудобной клетке, которая никогда больше не откроется, — и это повергло в отчаяние. Я задыхалась, мне не хватало воздуха, каменные стены давили, подстегивая так не вовремя нахлынувшую панику. Магия, всегда чутко реагирующая на мое состояние, беспokoйно плескалась внутри, то затихая, то захлестывая почти с головой опасными, практически самоубийственными мыслями. «Крепления прутьев слабые, выбить решетку так легко... обойти защитные амулеты... охранник — что он сможет против такой силы... а потом бесшумной тенью скользнуть по мосту...»

Упрямо стиснув зубы, я постаралась выровнять дыхание и расслабиться, свернувшись в клубок под одеялом. Я давно уже не мечтала о побеге с такой страстью.

Нет. Нельзя. Нет.

Перед внутренним взором стояло породистое лицо Паука, а в ушах звенели негромкие слова с южным акцентом. Я гнала от себя навязчивый образ, но он упорно продолжал возвращаться, не давая ни минуты покоя.

Во всем, что происходило сейчас, я винила главного дознавателя. Одним своим присутствием он разбередил старую рану, разворошил могилу, в которой я похоронила свое прошлое, закопав, казалось, так глубоко, что никто и никогда не смог бы до него добраться. Послушная и покорная заключенная номер семь могла выжить в стенах Бьянкини. Гордая леди Янитта Астерио — нет.

Леди. Можно подумать, законников волновало мое происхождение. Старшая дочь лорда Веньятты, наследница рода Астерио. В прошлом остались просторные покои и дорогие тонкие простыни, красивые платья и усыпанные кристаллами украшения. Здесь, в стенах Бьянкини, единственное, чего могла ожидать леди, — лишние унижения за один только этот титул. Того, что все как коршуны ринутся показывать, где же ее истинное место, какую чудовищную ошибку совершила природа, наделив преступницу и менталистку сильным артефакторским даром, веками бережно сохраняемым и преумножаемым тщательно продуманными браками.

Между мной и законниками Бьянкини всегда была пропасть, которую никому из них не дано было пересечь. И здесь, в тюремных застенках, она лишь увеличилась. Здесь власть была в их руках, и мало кто отказывал себе в удовольствии доказать той, которую всегда приходилось считать лучше себя, что теперь она даже хуже, чем простая работница из бастардов, знающая в своей жизни лишь бесконечное изготовление накопителей.

Леди... Я спрятала, скрыла леди Янитту Астерио так глубоко, как только могла, поклявшись никогда не возвращаться к ней, даже в мыслях, даже в мечтах и надеждах. А вот теперь...

Паук вторгся в размеренные будни крепости Бьянкини, принес с собой все то полузабытое, скрытое и опасное, что могло пошатнуть и без того неустойчивый фундамент моей новой жизни, с таким трудом выстроенной на обломках прошлого. Или и вовсе разрушить, взорвать, рассыпать прахом для удовлетворения собственных болезненных амбиций.

Эркьяни... Дикие южане, в чьей крови бурлила темная сила, способная осушать реки, подчинять вулканы и разрушать города. Когда-то враги Иллирии, они всегда держались особняком,

не желая играть по установленным в королевстве правилам. Чужаки, бунтари, не привыкшие подчиняться, мятежники, не смирившиеся, непокоренные.

Паук мог бы меня ненавидеть. Всех нас. За то, что первые семьи Иллирии, негласные правители городов и земель: Меньяри из Ромилии, Себастьяни из Аллегранцы, Астерио из Веньятты и Сантанильо из Фиоренны — всегда чуть свысока смотрели на дикий Ниаретт. Но отчего-то Паук был здесь, так далеко от родных земель, затянутый в черную форму отдела магического контроля, скрывший свою необузданную черную мощь под тонкой коркой северной сдержанности. Я не знала, что ему было нужно, и это пугало.

Я не знала его...

Прошлое пришло вместе с беспокойным сном, ворвалось в сознание приглушенными шепотками, светом, блеском дорогих украшений и пузырьками шампанского. Я снова оказалась на пороге янтарного бального зала, огненно-рыжие своды которого уходили бесконечно вверх, растворяясь в мутной дымке. Подол белого платья, расшитого золотыми нитями и сияющими энергетическими кристаллами — символ величия и богатства рода Астерио, — колыбался в такт моим шагам. Люди в дорогих костюмах и масках, будто живое человеческое море из перьев, кружева, шелка и камней, покачивались передо мной в такт неслышной музыке, бесконечно далекие, отстраненные, безразличные. От ярких бликов слезились глаза. Я всматривалась в толпу, отчаянно пытаюсь найти кого-то важного, но тщетно. Маски надежно скрывали лица, а широкие спины, затянутые в дорогие камзолы, и обнаженные плечи, открытые модными платьями, мелькали, сливаясь в одно мутное пятно, вызывая подкатывающий к горлу приступ дурноты.

Призрачный неясный образ того, кого я так жаждала отыскать, стоял перед моим внутренним взором. Темные, слегка вьющиеся волосы. Черный камзол с едва различимым рисунком по дорогой ткани, серебряная оторочка. Почему-то для меня было очень важно посмотреть в лицо именно этому человеку, так важно, будто от этого зависела моя жизнь. На мгновение показалось, что я увидела его совсем рядом с собой, и нужно было только потянуться, но отчего-то я никак не могла сдвинуться с места, подойти ближе. Стоило лишь попытаться сделать шаг, как толпа вокруг сомкнулась плотнее, отсекая меня от знакомого незнакомца в черном. Оставляя одну.

Кто-то хлопнул в ладоши, на верхней галерее невысокий человек взмахнул руками, как диковинная черная птица, и заиграла музыка. Она звучала все громче и громче, тревожнее и тревожнее, и все быстрее и быстрее крутились в танце люди. Незнакомец затерялся в толпе. Я отчаянно пыталась отыскать его вновь, но взгляд почти против воли выхватывал из людской круговерти лишние, незначимые детали: бледное предплечье с тонким кружевом перчатки, взмах алого веера, отблеск серебряных кристаллов в серьгах, пристальный взгляд желтоватых глаз из-под плотной маски.

Чья-то рука легла на мое обнаженное плечо.

Я вздрогнула.

* * *

Сон оборвался резко, как будто меня кто-то встряхнул.

Распахнув глаза, я растерянно уставилась в потолок. Непроглядная ночная чернота не позволяла различить ничего, кроме нечетких контуров и синего квадрата окна. В ушах эхом звенел громкий протяжный крик, застывший на одной ноте:

— Н-не-э-э-эт!

Я приподнялась в кровати, напряженно вслушиваясь в тишину тюремного коридора. Мерно разбивались о пол тяжелые капли, сочившиеся с потолка, из камеры слева доносился храп иренийца. Где бы ни находился сейчас тот человек, чей голос разбудил меня, в реальности он не издавал ни звука. Жуткий крик существовал лишь в моей голове.

В центр доставили нового менталиста.

Узкий вентиляционный колодец, отгороженный от камеры частой решеткой, манил, притягивая взгляд. Встав с кровати, я подошла к самому краю, и мысленный голос стал громче. Там, на самом нижнем этаже тюрьмы, куда помещали лишь тех заключенных, кому оставались считанные часы перед казнью на главной площади Бьянкини, находился незнакомый мужчина.

«Нет-нет-нет-пожалуйста-не-надо-пожалуйста-нет», — повторял и повторял он, и в его отчаянном крике мне слышался плеск воды в каналах, эхо шагов, отраженное от узких мостовых, хрипкое сбивчивое дыхание, облачком пара зависшее в морозном ночном воздухе. И еще что-то, пока едва уловимое, что заставило меня опуститься на самый пол, сжав пальцами холодную решетку, и вслушаться в тишину колодца.

Что-то было не так. Не так, как бывало с другими менталистами, которых мне доводилось считать. Я встречала немало

настоящих убийц и истинных сумасшедших, но этот человек был не из их числа. И, повинувшись отчаянному желанию узнать, разобраться, помочь, я потянулась разумом, мягко подхватила нить его воспоминаний, распутывая ее, погружаясь внутрь.

Плеск воды стал громче и ближе. В окружавшей меня темноте проступили очертания извилистой улицы, идущей вблизи канала. Вдоль узкой набережной черными полумесяцами покачивались лодки. Окна домов плотно закрывали ставни, и нигде не было видно ни души.

Только незнакомая девушка в красивом дорогом платье спешила куда-то, и перестук ее каблучков был явственно слышен в тишине улицы. Он, человек, чьими глазами я смотрела сейчас на прибрежные кварталы Веньятты, не знал ее имени. Но точно знал одно: он должен был ее убить.

Ее, незнакомую аристократку, по недоразумению оказавшуюся в одиночестве, без сопровождения, без защиты, в столь поздний час. Именно ее, эту хрупкую испуганную девушку, опасно жмущуюся к тонкой полоске лунного света, освещавшего мостовую почти у самой кромки воды. Он никогда раньше не встречал ее, но эта странная, выжигающая внутренности уверенность kloкотала внутри, толкая идти следом, не упускать из виду, чтобы в нужный момент выскочить из темноты и...

«Нет-нет-нет-пожалуйста-не-надо-пожалуйста-нет...»

Часть его души заходила в отчаянном безумном крике. Он не понимал, что привело его сюда, к маленькой пристани, что связало с этой незнакомкой. Но нечто более сильное, нечто инородное, угнездившееся внутри, сломило его волю, словно тонкую щепку, подчинив себе. Он не мог поступить иначе.

Пять шагов, три. Его рука коснулась маленькой ладошки, и девушка испуганно вскрикнула, но в следующее мгновение умолкла. В ее огромных, вмиг остекленевших глазах отражалась худая фигура мужчины в одежде портового служащего. Девушка замерла в ожидании.

Я ощутила, как от него к ней заструилась энергия ментального приказа. Магия мужчины, горячая, жгучая, отдавала тонкой ноткой циндрийских пряностей и гнилостным привкусом смерти.

Вряд ли он сам когда-либо задумывался о тех странных способностях, которыми наградила его природа. Может, просто считал себя везучим парнем, особенно успешным у портовых девиц. Но сейчас удача отвернулась от него. Для сильного менталиста нет ничего проще, чем подчинить себе слабого. Подчи-

нить — и скрыть тонкую нить своего приказа, всю, до последней серебристой искорки, в потоке неконтролируемой силы.

«Остановись. Развернись. Посмотри».

Леди прикрыла глаза и призывно улыбнулась. Ее рука потянулась к завязкам плаща и дернула атласные ленты. Ткань мягко скользнула к ногам, а тонкие пальцы уже спускались вниз вдоль шнуровки корсета.

На последних петлях она замешкалась, и менталист вынул из-за пояса нож. Рукоять из матово-белой кости, инкрустированная драгоценными камнями, смотрелась в натруженных руках рабочего до смешного нелепо и чужеродно. Он и сам понимал это. На краю сознания, где еще оставались последние крохи самоконтроля, билась настойчивая мысль, что это был не его клинок, и он совершенно не помнил, где и как получил его. И совершенно точно надо было отбросить оружие в сторону и сделать что-нибудь с ластившейся к нему девчонкой, пока та не натворила глупостей, которые невозможно будет исправить.

Нож взмыл в воздух, на лезвии тускло блеснул отсвет дальнего фонаря.

Спину меж лопаток обжег чей-то жадный голодный взгляд.

Он взвесил клинок на ладони, криво усмехнулся и распорол шнуровку. А после всадил лезвие в бледный, чуть выпуклый живот девушки.

«Помогите, помогите...»

Она охнула, словно бы и не поняв, что случилось, и обмякла в его руках. Он бережно уложил умирающую девушку на брусчатку у самой кромки воды. Кровь расплывалась по мостовой и тоненькими ручейками стекала в темную воду с белыми бликами полной луны.

Холодные отсветы плясали по потолку камеры, и в полутьме казалось, будто я все еще смотрела в черную гладь залива. Мысленный крик не затихал, человек выл, скулил, стонал на одной ноте, бился, словно в агонии. Энергия бесновалась в нем, как зимний шторм, и я склонилась вниз, пытаюсь вновь достучаться до него и хоть как-то успокоить, чтобы продолжить работу. Мне нужно было понять, что произошло. Кто — а главное, для чего — приказал этому мужчине совершить убийство?

Я точно знала — это очень, очень важно.

Прикоснувшись ладонью к стене, я мысленно потянулась к незнакомому менталисту.

Тщетно.

— Эй, — тихо позвала я. — Эй, ты здесь?

Тишина.

«Это-не-я-я-не-виноват-почему-я-это-сделал-что-произошло-почему-наверное-меня-толкнули».

Толкнули. Странное слово царапнуло слух. Я попыталась снова нащупать нить его воспоминания, поймать момент, когда было совершено воздействие, но без физического контакта и мысленной связи мне удалось уловить немногим больше, чем стандартным артефактам-определителям. Я видела ментальный след, чувствовала его, но настоящая нить серебряной пылью истаяла в пальцах.

А значит...

Подскочив на ноги, я бросилась к двери и что есть силы, не жалея рук, заколотила в металлический остов замка. Храп зельевара оборвался, я услышала, как он завозился на кровати, разбуженный странным шумом. Некоторое время спустя в глубине коридора зажегся свет. Послышались шаги охранников, спешивших в сторону моей камеры.

Они остановились, как того требовал регламент, в двух шагах от решетки и окинули меня недовольными заспанными взглядами. В их позах читалось недоумение и раздражение: заключенная номер семь считалась тихой, не доставлявшей лишних хлопот, и это никак не увязывалось в их головах с неожиданной ночной побудкой.

— Что, пожар? — глумливо спросил старший охранник, глядя на меня с нескрываемым презрением. — Или крыску увидела?

— Прошу вас, позовите Бьерри! Это срочно!

Один из охранников, тот, что помоложе, открыл было рот, но старший остановил его резким движением руки.

— Не положено. Буду я из-за всяких тут... господ среди ночи будить.

— Позовите Бьерри!

Охранник снял с пояса оружие и грубо ткнул рукоятью в решетку рядом с моими пальцами. Я инстинктивно отпрянула.

— Руки свои убрала! Ишь тянется, отродье! Только и хочет, что честного человека с пути сбить! Заткнись и спи, — рявкнул он и, подтолкнув замешкавшегося напарника, вернулся в свою каморку.

До самого утра я не сомкнула глаз. Так и сидела, привалившись спиной к стене рядом с колодцем, и до звона в ушах вслушивалась в силовое дыхание менталиста, отчаянно надеясь уловить еще что-нибудь.

Мне нужно было коснуться его. Сейчас я была практически уверена, что он невиновен, но, лишь дотронувшись до его кожи, проникнув в его сознание, я смогла бы определить, кто же отдал тот самый ментальный приказ, толкнувший этого человека на убийство.

Но мне оставалось лишь беспомощно считать оставшиеся до рассвета минуты и поддерживать ослабевающий ментальный контакт, пропуская через себя бессвязные обрывки воспоминаний, несмотря на усиливающуюся головную боль. Менталист тихо стонал, выл на одной ноте, а вокруг плескались темные кровавые волны, и лезвие, ослепительно яркое в лунном свете, отражалось в подернутых томной поволокой глазах незнакомой леди. Раз за разом, снова и снова, словно сломанная музыкальная шкатулка, чью медную ручку больше невозможно было повернуть вперед. Мужчина и сам казался мне сломанным, и это подстегивало желание как можно скорее рассказать Бьерри о том, что я узнала.

В те редкие мгновения, когда сознание менталиста покидало сцену убийства, а мне удавалось ненадолго ослабить туго натянутые струны ментального контакта, мужчина грезил о море.

О безмятежно синем море с белой пеной на гребнях ласковых волн.

* * *

Предрассветное небо забрезжило серым. К тому моменту крик заключенного менталиста уже превратился в тихий невнятный шепот. Он затихал, погружаясь в безумие и беспмятство, и с каждой минутой шансы отыскать настоящего преступника становились все призрачнее.

К счастью, Бьерри появился рано утром. Я узнала четкий, размеренный шаг старого законника. Он не спешил: разумеется, охранники из ночной смены не посчитали нужным хотя бы сейчас сообщить ему о моей ночной просьбе. Никого в стенах тюрьмы не волновала судьба гибнущего в колодце карцера человека.

— Бьерри, — я бросилась к нему навстречу, — мне срочно нужно увидеть господина главного дознавателя. Только он может остановить казнь невинного. Это очень важно.

Надзиратель нахмурился. Не давая ему времени возразить, я вкратце пересказала то, что прочитала в разуме осужденного менталиста. С каждым моим словом взгляд Бьерри становился все мрачнее и мрачнее.

— То, о чем ты говоришь, — тяжело произнес Бьерри, когда я, закончив, прижалась лбом к холодной решетке, чтобы унять ноющую головную боль, — случилось восемь часов назад. У северных доков. Законники застали убийцу на месте преступления почти сразу. Он не сопротивлялся аресту, не отрицал своей вины. Судебное разбирательство было коротким. В Бьянкини уже всюю готовятся к казни. И... подумай о себе, дочка, не вмешивайся в это дело.

Я упрямо покачала головой:

— Не могу я так, Бьерри, не могу. Просто... — Я осеклась, не зная, как объяснить, насколько же важно было для меня не допустить этой казни.

Старый законник понял меня без слов, но лишь укоризненно покачал головой.

— Будь ты моей дочкой, обругал бы да в комнате запер, пока не поумнеешь. Но... — вздохнул он. — С тобой такое не пройдет, а жаль. Ну, раз о себе не думаешь, вспомни, чего бедняге Стефано стоил прошлый такой «невиновный».

Я помнила, может быть, даже слишком хорошо. Тогда определители тоже однозначно считали четкий ментальный след на преступнике и жертве, но краткого ментального контакта хватило, чтобы почувствовать, что обвиненный менталист находился под влиянием кого-то третьего.

Стефано поверил мне. Притащил ослабевшего от долгого сидения в карцере мужчину чуть ли не на себе, тщательно записал все мои показания и заверил их собственной печатью. А потом, обернувшись на пороге, пообещал, что уж это дело он точно из рук не выпустит, пока не добьется оправдательного приговора. И глаза его горели неподдельным охотничьим азартом, смешанным с восторгом от первого сложного самостоятельного дела.

Это был последний раз, когда я видела Стефано Пацци в стенах Бьянкини. Много позже Бьерри рассказал мне, что он перевелся — по крайней мере, именно так ответил ему комендант, когда старый законник окончательно замучил его вопросами. Бьерри передал это мне, но в его голосе отчетливо слышалась неуверенность. Мне подумалось, что он уже успел справиться у своих коллег из других городов, стоявших на землях Веньятты, а может быть, даже успел послать пару запросов в Ромилию или Аллегранцу, но все оказалось без толку. Стефано Пацци бесследно пропал.

Осужденного казнили неделю спустя.

Бьерри неловко вздохнул, глядя, как я до побелевших костяшек пальцев стиснула решетку. Сейчас он, казалось, искренне сожалел о том, что вслед за Пауком вновь поднял эту тему.

— Хорошо. Я сообщу коменданту, — сдался он.

— Много ли он сможет сделать, Бьерри?

Законник поджал губы. Подобное мнение в Бьянкини разделяли почти все.

— Пожалуйста, приведи господина главного дознавателя, — повторила я с легким нажимом.

— На твоем месте я бы не надеялся так на его помощь, — буркнул Бьерри. — Благородный лорд ради простолюдина руки марать не станет.

— Пожалуйста, прошу. Пока в городе безнаказанно совершает убийства сильный менталист, все жители Веньятты в опасности. Все.

Бьерри замаялся. Я смотрела на него, пока он, сердито мотнув головой, не отвернулся.

— Ладно, дочка, попробую. Но не ручаюсь, что из этого выйдет что-то путное. Все-таки господин главный дознаватель — это не Стефано Пацци.

Да. Именно поэтому я считала, что у него были все шансы довести дело до конца.

* * *

Я ожидала, что Паук появится в Бьянкини не раньше середины дня, и рассчитывала встретиться с ним уже в рабочих комнатах, но не прошло и часа, как главный дознаватель объявился прямо в тюрьме. Это было странно: неужели он оказался где-то на полпути к центру, когда по распоряжению Бьерри ему передали мою просьбу?

Быстрые шаги законника эхом отдавались от каменных стен коридора.

— Артефакт готов? — отрывисто спросил он, как только приблизился к моей камере.

Я замаялась. В руке Паука блеснул ключ. Отперев решетку, он, не слушая возражений застывшей неподалеку охраны, вошел внутрь и размашистым шагом направился ко мне. Я замерла, сидя на краешке кровати.

Он навис надо мной, прожигая макушку мрачным взглядом. Его длинные пальцы — единственное, что попадало в поле зрения, — напряженно сжимались и разжимались.

— Вы бледная.

Мне показалось, я ослышалась.

— Что?

Я ощутила прикосновение его энергии к своей — легкое, осторожное. Странно, но черная разрушительная магия Ниаретта, этот темный вихрь, едва поддающийся контролю, казалось, притих, едва коснувшись меня.

— Вы утомлены, — заключил Паук. — Вам требуется отдых от работы. Я распоряжусь.

Не дожидаясь ответа, Паук развернулся и уверенно подошел к шкафу. Настежь распахнул дверцу, поморщившись от скрежещущего звука петель, пробежался взглядом по ряду одинаковых серых и черных платьев, по ровным стопочкам белья и чулок. Наклонился, на мгновение скрывшись за створками шкафа, но тут же отшатнулся, словно обжегшись, и вновь коршуном закружил по камере. Я растерянно наблюдала за этим, ожидая, когда Паук наконец соизволит вновь обратить на меня внимание. В душе медленно закипала ярость, и я нервно комкала подол платья.

Словно не замечая моего присутствия, главный дознаватель скользнул пальцами по стене, прикоснулся к решетке на узком высоком окошке. Подхватил лежавшие на столе книги, открыл наугад и перелистал страницы, не вчитываясь в текст, а после отбросил почти презрительно. Затем выдвинул ящик.

Я застыла.

Длинные пальцы Паука выхватили артефакт прежде, чем я успела сказать хоть слово.

Главный дознаватель придирчиво оглядел янтарный медальон с вплавленным внутри пауком, поднес его к глазам, погладил теплый камень — разве что на зуб не попробовал. Я ощутила всплеск темной энергии: главный дознаватель проверял магические потоки. Закончив осмотр, он неопределенно хмыкнул.

— Прошу вас, верните. Он еще не готов. Нужно немного времени, — попросила я, потянувшись за артефактом. — И...

Уловив мое движение, Паук быстро сунул руку с медальоном в карман.

— И что? — обманчиво тихо переспросил он. — И дать вам возможность сделать его идеальным? Выхолощенным, бездушным, прячущим внутреннюю пустоту за совершенством внешней оболочки? Нет, благодарю. — Он посмотрел на меня в упор. — Я предпочту взять настоящую... вещь.

Паук отступил. Я опустила глаза, избегая встречаться с ним взглядом.

Я кожей чувствовала — передо мной был человек, раздираемый внутренними противоречиями, нестабильный, опасный, едва контролирующей своих демонов. Инстинкт самосохранения требовал бежать, спастись, пока не стало слишком поздно.

Но Паук был мне нужен. Был нужен Веньятте.

— Остановите казнь, — выпалила я.

— Что? — Сумеречный взгляд желто-карих глаз метнулся к моему лицу.

Глубоко вдохнув, как перед прыжком с обрыва в море, я заговорила, осторожно подбирая слова:

— Господин главный дознаватель, сегодня ночью в камеру на нижнем уровне поместили человека. Менталиста.

— Обвиняемый Спиро Дьячелли, грузчик. Семь лет проработал в северном порту Веньятты. Осужден за использование ментальной магии на леди Элии, дочери лорда Манорро, — безразлично бросил Паук. — В результате совершенного преступного деяния леди Элия скончалась. Все собранные улики однозначно указывают, что вина Дьячелли неоспорима.

— Это не так.

— Отчего же? — Он всем телом подался ко мне.

Я невольно вздрогнула.

— Его вынудили.

— Вынудили? — Уголки губ Паука приподнялись в саркастической усмешке. — Неужели вы сейчас скажете, что ментальная магия пробуждает в человеке непреодолимую тягу к злу? Поднимает порочное желание, которое можно утолить, только совершив жестокое преступление? Скажете, проникновенно глядя мне в глаза, что это просто природа, инстинкт? Менталисты рождены такими и это не их вина?

Я растерянно моргнула. Сказанное звучало откровенным бредом, больше подходящим суеверному коменданту Бьянкини.

«Рожденный менталистом обречен стать убийцей».

— Тело леди Элии и сам Дьячелли фонят остаточной магией. Его ментальной магией. Или, хотите сказать, ваши сверхточные определители, которые столь цветасто расписывал комендант, вовсе не так точны?

— Они точны, — покачала головой я. — Но...

— Тогда, полагаю, нам не о чем говорить, — не дав мне закончить, произнес Паук.

Отвернувшись от меня, он двинулся в сторону выхода. Охранники бросились к двери, готовые отпереть ее перед главным дознавателем, едва тот приблизится к решетке.

— Лорд Эркьяни!

Паук ощутимо напрягся. Замер, выпрямив спину неестественно ровно, сжал руки в кулаки.

— Лорд Эркьяни, пожалуйста, послушайте. Я знаю, что произошло. Я видела, что произошло, видела случившееся глазами Спиро Дьячелли. И я точно знаю — он не хотел убивать дочь лорда Манорро. Его заставили. Прошу вас, остановите казнь, пока не стало слишком поздно. Поверьте, я знаю ментальную магию, и это...

— Разумеется, вы знаете ментальную магию, заключенная, — резко оборвал меня Паук. — Вы за это и осуждены.

Он не обернулся, но и к двери не сделал ни шага. Воспользовавшись этим, я торопливо продолжила:

— Мотив, лорд Эркьяни. У этого преступления нет мотива. Зачем портовому грузчику убивать дочь лорда? Зачем дочери лорда, богатого винодела и уважаемого члена городского совета, идти ночью в порт? Это бессмысленно и, поверьте мне, бессмысленные поступки — один из первых индикаторов ментального воздействия. Предыдущего ментального воздействия, след которого затерялся, скрытый магией самого Спиро Дьячелли.

— У вас устаревшие данные, — сказал Паук. — Лорд Манорро уже несколько лет не входит в городской совет, а его виноградники безнадежно пострадали от землетрясения, произошедшего пять лет назад. Вы переоцениваете значимость положения леди Элии.

— И все же не настолько же она низко пала, чтобы...

— Искать в порту легкий заработок? — цинично фыркнул главный дознаватель, медленно разворачиваясь ко мне. — Вам ли судить о падении, заключенная?

— Лорд Эркьяни...

— Господин дознаватель, как я понимаю, будет более уместным обращением в нашей с вами ситуации, — едко бросил он. — И, пожалуй, удивительно, как вы сегодня многословны, заключенная. А вчера даже головы не подняли.

— Это важно, господин главный дознаватель. Прошу вас, остановите казнь Спиро.

Паук смерил меня подозрительным взглядом.

— Спиро? Так вы, оказывается, знакомы? За приятеля просите?

— Спиро Дьячелли невиновен, — в который раз повторила я. Вопросы главного дознавателя, странные и неуместные, сбивали с толку. — Пожалуйста, остановите казнь. Если вы позволите мне прикоснуться к обвиняемому, я сумею доказать его невиновность. Я считаю ментальный след, оставшийся от предыдущего воздействия, и это подтвердит, что Спиро Дьячелли вынудили совершить убийство.

— Прикоснуться? — Лицо дознавателя исказилось.

Он сделал шаг ко мне, но вдруг отшатнулся, словно от заразной больной, сунул руку в карман и выскочил из камеры с такой поспешностью, что охранники едва успели распахнуть запертую дверь. Мне подумалось, что, окажись они чуть менее расторопными, Паук попросту вынес бы решетку — настолько неприятно было ему находиться рядом со мной. Казалось, одно только осознание близости к человеку, владеющему ментальной магией, да еще и готовому применить свои способности на практике, вызывало у него тошноту.

Я стиснула зубы, привычно подавляя всколыхнувшееся внутри раздражение. От мысли, что главный дознаватель, подобно коменданту, верил в сплетни о безумных способностях менталистов, рот наполнился горькой желчью разочарования.

Уже в коридоре он на мгновение обернулся, обжигая меня острым пронзительным взглядом.

— Я сообщу коменданту, что мой заказ выполнен. — Паук многозначительно похлопал по карману, где лежал артефакт, который я столь неосмотрительно забрала из рабочей комнаты в надежде распустить плетения, а позже сделать что-то подходящее и правильное, достойное главного дознавателя. «Выхолощенное, бездушное, прячущее внутреннюю пустоту за совершенством внешней оболочки», как едко выразился сам Паук. Отчего-то его слова поднимали в душе волну злости. — Где и как я получил артефакт, останется нашим секретом.

* * *

Далекий бой часов — восемь мерных ударов — прогремел с площадей раскинувшегося на соседнем с исследовательским центром острове городка Бьянкини, а Бьерри, который обычно сопровождал меня до рабочих комнат, так и не появился вновь. В бездействии время тянулось медленно, плавно подходя к девяти. Дважды хлопнули двери в коридоре: привели одного из братьев-артефакторов, увели иренийца.

Ожидание давило сильнее каменных стен. Несмотря на безумную усталость — сказывалось количество энергии, ушедшей на создание артефакта, а после длительная ментальная связь и бессонная ночь, — я предпочла бы сейчас привычно работать с определителями в относительно светлой и удобной рабочей комнате, а не сидеть без дела, погребенная в сырых тюремных застенках. Но, похоже, Паук выполнил угрозу и все-таки запретил сегодня пускать меня в исследовательский центр.

Комендант явился через несколько минут после того, как часы пробили девять. Судя по шагам, его сопровождали двое охранников, скорее всего, из утренней смены. Я точно знала, что за этим последует, а потому ждала их, стоя посреди камеры и всем своим видом демонстрируя смирение и покорность: руки в перчатках поверх юбки, глаза в пол.

В душе колыхалось глухое раздражение и злость на Паука с его неуместными инициативами.

— Значит, господин главный дознаватель спускался в тюрьму для личной беседы с заключенной, а после приказал оставить ее в камере? — послышался в коридоре сердитый голос.

— Все верно, господин комендант, — пробасил охранник.

— Других распоряжений не поступало? Он не пояснил, за что наказана заключенная?

— Нет, господин комендант.

Законник вздохнул.

— Что ж, в таком случае до выяснения обстоятельств поместим ее в карцер. Приступайте.

Лязгнул замок. Охранники подошли ко мне, и без единого слова я вытянула вперед руки, позволяя заковать себя в тяжелые наручники. Комендант недоверчиво подергал цепочку, убеждаясь в надежности крепления.

— Отведите ее вниз.

Привычная винтовая лестница, насквозь пронзавшая крепость, вела все ниже и ниже. Я шла быстро, с трудом приноравливаясь к широкому шагу охранников. Никто не касался меня, не подгонял грубыми тычками в спину, но провоцировать их не хотелось.

Под ногами хлюпнуло. Холодная весенняя земля была пропитана затхлой влагой.

— Направо, — буркнул охранник за спиной.

Я повернулась и чуть прикрыла глаза, стараясь отыскать ночного менталиста, но не смогла ощутить его след. Нить нашей связи окончательно истаяла еще утром, после ухода Паука.